Б. М. КУСТОДИЕВ

МОСКВА
1 9 2 9

НАРКОМПРОС РСФСР
ГЛАВИСКУССТВО—ГЛАВНАУКА

КАТАЛОГ
ПОСМЕРТНОЙ ВЫСТАВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. М. КУСТОДИЕВА

Вступительный очерк
о творчестве Б. М. Кустодиева
Ин. Хвойника

МОСКВА 1929 г.

Мосгублит № 42446. Заказ № 3271. Тираж 1000 экз.

Мосполиграф—10-я тип. „Заря Коммунизма". Чистые пруды, 8.

THE GETTY CENTER
LIBRARY

Комитет выставки:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ—Л. Л. Оболенский

ЧЛЕНЫ: Ю. Е. Кустодиева

Н. А. Андреев

А. И. Курелла

И. Е. Хвойник

А. А. Вольтер

Л. Я. Вайнер

Ф. Н. Ильин

Уполномоченный по выставке—А. Л. Красный

Мысль об устройстве в Москве посмертной выставки произведений Б. М. Кустодиева возникла в результате благоприятно сложившихся обстоятельств. Ей предшествовало проведение такой же выставки в Ленинграде, организованной Художественным Отделом Государственного Русского Музея. Возможность использовать собранный уже в Ленинграде экспозиционный материал для показа его в Москве послужила естественным толчком для постановки вопроса о перевозке Ленинградской выставки в Москву и быстрому его разрешению: интерес к творчеству такого выдающегося художника, как Б. М. Кустодиев, и внимание, проявленное со стороны широких слоев зрителей к Ленинградской выставке, не оставляли сомнений в целесообразности немедленного осуществления столь счастливо представившейся возможности. К сожалению, исключительно трудные условия для развертывания выставок в Москве — полное отсутствие свободных выставочных помещений — сильно сузили первоначальный замысел о перевозке выставки в полном ее об'еме и заставили существенно ограничить число экспонатов. Этим об'ясняется подбор материала выставки,

количественно сильно урезанного против Ленинградской выставки. Пришлось из громадного числа экспонатов, собранных усилиями Русского Музея—около 1000 работ — выделить для Москвы сравнительно небольшую часть — около 200 работ, что, конечно, не могло не отразиться на ретроспективной широте демонстрации оставленного Кустодиевым художественного наследия. Но не претендуя на ретроспективную полноту, настоящая выставка все же вполне наглядно демонстрирует путь развития Кустодиевского творчества в основных его этапах и характерных произведениях.

Подавляющее большинство экспонатов настоящей выставки (162 №№) предоставлено вдовой художника Ю. Е. Кустодиевой, вошедшей в состав Выставочного Комитета и принимавшей лично участие в подготовке выставки. Остальная часть экспонатов принадлежит Гос. Русс. Музею, Гос. Трет. Галлерее, Муз. Красной Армии, Ленгизу и отдельным лицам, любезно согласившимся на отсрочку возврата представленных для Ленингр. выставки произведений, за что Комитет Выставки считает долгом выразить им, как и Ю. Е. Кустодиевой, свою искреннюю признательность.

Творчество Б. М. Кустодиева.

(Род. 1878 г.—ум. 26 мая 1927 г.).

Борис Михайлович КУСТОДИЕВ принадлежит к младшему поколению той художественной школы, которая вошла в историю нашего предвоенного искусства под изящно-космическим наименованием „Мир искусства".

Типичнейшие представители этого направления, его законодатели и канонизаторы установили изысканные традиции художественной романтики. Она была овеяна тонким ароматом опоэтизированного прошлого, лунной влюбленностью в феодальную строгость старинных парков с их ажурно-четкими решетками, геральдическими львами, благопристойно ровными газонами и урчащими фонтанами. Арлекины и коломбины были патетическими персонажами этого искусства, фижмы придворных дам и мушки бледнолицых жеманниц—его серьезными аксессуарами, а этикетальная величавость белых париков и стриженых садов—уложением культурного художественного вкуса. Французский Версаль и русский Петербург времен Павла, Екатерины и Александра первого были излюбленными мотивами полусонных пейзажей художников „Мира искусства". Их тонкие акварельные кисти и остро очиненные карандаши проник-

новенно и грациозно, словно балерины на пуантах, скользили по лощеному паркету этого отошедшего мира... Тяга к прошлому, погружение в материал давно минувшего быта и его эстетизация — пассеизм—придавали всему творчеству художников „Мира искусства“ вполне определенную социальную окраску. Это искусство, отрешенное от интересов и образов современности, было поэтическим бегством художников эпохи упадка общественного настроения, своеобразной реакцией части культурной верхушки общества на сумеречное затишье восьмидесятых и девяностых годов. Пассеистическая тематика и изысканный стиль школы „Мира искусства“ стали закономерным отражением ослабленного политического тонуса жизни и общественной усталости...

Все же художественная культура „Мира искусства“ создала традиции, устойчивое влияние которых вышло далеко за пределы хронологически узаконенных рамок. Типичные черты этой культуры можно проследить и сейчас в творчестве многих современных художников не только преображенными и переродженными, но и во всей откровенности упрямого хоть и дряхлеющего эпигонства. В таком виде стык этих традиций с нашей современностью бесплоден и неубедителен. Но тем пристальнее нам следует присмотреться к той младшей линии „мирискусстнической“ родословной которая намечает преспективы многообещающей связи с потребностями искусства наших дней. И в первую очередь это относится к Кустодиеву, мирискусстнику „второго призыва“, сумевшему сочетать в себе некоторые родовые черты „Мира искусства“ с бодрым, почти стихийным преодолением его аристократического худосочия.

Впрочем о „преодолении“ здесь можно говорить с большой натяжкой: правильнее было бы говорить об органической противоположности мироощущения

и творчества Кустодиева и его собратьев по „Миру искусства“. В плане этой противоположности творческий облик Кустодиева приобретает контрастное освещение, резко выделяющее его из той самой художественной плеяды, которая имела некоторые основания считать его своим. Романтика Кустодиева не в меньшей мере чем романтика его старших товарищей по „Миру искусства“ окрашена элементами стилизации, в основе которой лежит эстетическое любованье и поэтизирование веками оседавшего быта (крестьянского и мещанского) и его культурной косности. Но этой чертой, пожалуй, исчерпывается фамильнсе сходство Кустодиевского творчества с традициями „Мира искусства“. В остальном—в содержании образов, в характере восприятия, в отношении к матерьялу жизни, манере его преображения и истолкования, в самой психологии мироощущения между Кустодиевым и типичными представителями „Мира искусства“ лежит непроходимая пропасть. Среди этих тонких аристократов и западников—Бенуа, Бакстов, Самовых, Добужинских — Кустодиев кажется полнокровным демократически здоровым и ясным, черезчур земным и грубатым. Его плотные образы, столь непохожие на анемичные видения этих изящных художников, как и жирная, яркая манера его письма, как, пожалуй, и плебейское звучание его имени, напоминавшего о церковном стороже или привратнике [1]), могли казаться оскорбительными, почти вульгарными на фоне искусства, стилизующего архитектурные реликвии феодальной романтики. Этому отпрыску поповско-купеческого рода, пришедшему из далекой, пахнущей солью и сельдями Астрахани, были чужды манерно-тонкие лица изысканно-развратных маркиз

[1]) Кустодиев — от слова „кустос“, сторож, привратник в церкви.

и легких коломбин и непонятно обаяние полуночной строгости „адмиралтейской иглы". Его романтике были ближе и роднее румяные, пышащие здоровьем дебелые купчихи, затейливая узорчатость костромских кустарных изделий, пузатые тульские самовары и расписные подносы, пестрота базарной толпы и весь арамат трогательно-неуклюжего быта российской провинции...

Искусство Кустодиева с исключительной яркостью раскрывает жизнь и быт этой провинции. Для многих он навсегда останется прежде всего крупнейшим бытописателем купечества, провинциального и среднего мещанства. Среда, в которой родился и рос Кустодиев, обеспечила ему знакомство и глубокое проникновение в обрядовые, обиходные и интимные стороны этого быта. Его изображению Кустодиев посвещает всю силу своих творческих помыслов и всю яркость своих радостных красок. Здесь его образы наиболее сочны, полнокровны и жизненно-убедительны. К изображению этой среды он часто и охотно возвращается, воссоздавая ее с великолепной наивностью и жизнерадостной непосредственностью. И все же сквозь эти образы явственно виднеется та легкая „червоточинка", которая, неожиданно разоблачает их подлинный идейный смысл, поднимая искусство Кустодиева на большую высоту социальной значительности. Эта „червоточинка", превращающая Кустодиева, бытописателя мещанства, в тонкого его сатирика имеет свои истоки в культуре художника-интеллигента, дышавшего воздухом предреволюционной эпохи 1905 г., в психологии радикального разночинца, созревавшего в период остро обнажившихся социальных противоречий [1]). Цельный в своем художническом самочув-

[1]) Кустодиев окончил Академию Художеств в 1913 г.

ствии, четкий и на-редкость законченный в своей художественной манере Кустодиев в изображении облюбованного им быта неожиданно двоится. Его богатая палитра оказывается пропитанной тончайшим ядом иронии. Розовые тела его купчих растомлены теплотой от долгого сна и животной сытости, одурящей мозг. От вещей массивно-дубовых, от обоев трогательно-ярких и крикливых, от блеска атласных одеял и аляповатой нарядности всей обстановки излучается торжество самодовольного отупения, ограниченности и косности благочестиво-кулацкого мещанства. Кустодиев любуется этим миром и в то же время предает его. Он снисходителен к нему, беззлобен в обнажении его социальной сущности, но тем безнадежнее казнит его своим великодушным юмором. Живописуя быт он взрывает его без сарказма и гнева...

В творчестве Кустодиева очень ярка та национально-русская стихия, которая наиболее полно проявилась в проникновенной стилизации народно-сказочных мотивов. Искусство народного лубка, стиль сказки и эпического сказа приобрели в Кустодиеве талантливого интерпретатора и пропагандиста простонародной эстетики. Здесь его национализм пленен декоративным очерованием сочной узорчатости и пышной яркости русского примитива. Разрабатывая эти мотивы Кустодиев осложнил их чертами особого великолепия, создав в этой области своеобразный стиль наивного барокко. Этот стиль пронизан тонким юмором Кустодиевского любования колоритной сочностью народного романтизма. Народные типы и их быт в лубочно-яркой стилизации Кустодиева наделены чертами неподражаемого юмора и того комического лукавства, в котором бессознательно запечатлелись следы барски-благодушного отношения к „простонародию“. Но эти образы у Кустодиева

не носят и малейшего следа того иронического отношения, которое столь наглядно в его изображениях купеческого быта. Под оболочкой простецкой хитрецы и веселого лукавства неизменно подчеркивается сверкание природного ума и больших творческих возможностей. В этом отношении Кустодиев во многом напоминает Лескова и его манеру. Народный сказ Лескова приобрел в кустодиевском творчестве блестящее истолкование и переложение в плане живописно-изобразительном. Декорации к „Блохе" Лескова не случайно стали шедевром сказочной стилизации, равным их словесному оригиналу.

В манере кустодиевского письма обращает на себя внимание поистине языческая чувственность его кисти. Здесь индивидуальный штрих его психического склада проявился с силой доминирующей черты, характерной для всего творческого облика художника и его мировосприятия. Его творчеству чужда всякая мистика, он не знает зыбких намеков, туманных контуров, и блеклых полутонов. Ему люба полновесная форма, привычен тяготеющий к земле образ, дорога яркость света и всякая, пусть даже растительная, радость жизни. Поверхность его живописных холстов периода расцвета и зрелости, гладкая и плотная, как и жирный, густой штрих его графических работ в такой же мере характерны для этого полнокровного художника, как и бодрый колорит его пейзажей, обласканных солнечным светом и теплом.

Последние десять лет творчества Кустодиева падают на советский период. И в этом мире новых социальных отношений и вновь слагающегося быта его кисть ищет полноты форм, символов физического и душевного здоровья и силы. Об этом свидетельствуют его многочисленные литографские работы, книжные иллюстрации и красочные эскизы на революционные темы. В них ярки те же черты его сти-

листических приемов, тот же жирный четкий почерк, та же декоративная нарядность, та же чувственная ясность влюбленного в пестроту и яркость жизни художника...

Творчество Кустодиева для нас поучительный образец того неиссякаемого оптизма, тех под'емных эмоций, которыми искусство утверждает жизнь. Как бы ни был далек и чужд нам быт, которому Кустодиев посвятил свои лучшие помыслы, этой стороной своего искусства—звонкостью красок, утверждением весомой материи, радостным приятием жизни и бодрым настроением—Кустодиев близок и понятен эпохе широкого развертывания творческих сил раскрепощенных масс.

Игн. Хвойник.

Москва, апрель 1929 г.

I. Картины. *)

1903.

1. Портрет худ.-рест. Д. Ф. Богословского. м. х. 90×180 П. Д.

1904.

2. Утро. м. х. 108×126. П. (Г.Р.М).

1905.

3. Портрет Е. П. Кустодиевой, матери художника. м. х. 78×49.
4. Портрет М. М. Кустодиева („Павловское", Костромск. губ.), м. х. 94×83.

1906.

5. Портрет Н. А. Подсосова. м. х. 99×128.

1907.

6. Портрет священника и дьякона. м. х. 168×134. П. Д.

---

*) При составлении настоящего каталога использован каталог ленинградской посмертной выставки работ Б. М. Кустодиева, составленный М. С. Коноплевой и А. С. Нотгафт (Ленинград 1928, Г. Р. М.).

7. Портрет Ирины Кустодиевой с собакой Шумкой. м. х. 98×78. П. Д.

1908.

8. Послушница. Эт. м. х. 80×46.
9. Ярмарка. Темп. 67×103. П. Д. (Г. Т. Г.)
10. Японская кукла. Темп. 74×85. П. Д. (Г. Т. Г.).
11. Семейство Шварц (в им. „Успенском"). м. х. 54×71. П. Д. (Г. Р. М.).

1910.

12. Портрет Л. С. Бакста. Темп. 42,5×33,5. П. (Г. Т. Г.).

1912.

13. Астрахань (общий вид города с собором). м. х. 53×63.

1913.

14. Дети художника. м. х. 76×105.

1914.

15. Автопортрет. Паст. 67×45. П. Д.

1915.

16. Красавица. м. х. 140×184. П. Д.
17. Прогулка. м. х. 71×88. П. Д.

1916.

18. Московский трактир. м. х. 98×127. П. Д.
19. На Фонтанке. Эт. м. х. 67×67. П. Д.

1917.

20. Балаганы. м. х. 83×93. П. Д. (Г. Р. М.).
21. На мосту в Конкола. м. х. 53×80. П. Д.
22. Вербный торг на Красной площади в Москве. м. х. 88×70. П. Д.

1918.

23. Купчиха за чаем. м. х. 120×120. П. Д. (Г. Р. М).
24. В „Тереме“ (Усадьбе Кустодиевых). м. х. 87×107. П. Д.
25. Лето. м. х. 65×183. П. Д. (Г. Р. М.)

1919.

26. Осень. м. х. 53×89. П. Д.

1920.

27. Большевик. м. х. 100×140. П. Д. (М. К. А.)
28. Праздник по случаю 2-го Конгресса III Интернационала в Ленинграде. Эскиз. (Демонстрация) м. х. 31, 5×63.
29. То же. (Пл. Жертв Революции). Эскиз. м. х. 26, 5×57.
30. Купчиха на балконе. м. х. 47×30. П. Д.

1921.

31. Весна. м. х. 66×89. П. Д.
32. Лето. м. х. 97×71. П. Д
33. Осень. м. х. 89×67. П. Д.

1922.

34. Портрет Ф. И. Шаляпина. Эск. м. х. 98×79 П. Д. (Г. Т. Г.)

1923.

35. Летний праздник. м. х. 90×89. П. Д.
36. Лихач. м. х. 98×80,5. П. Д.
37. Праздник на Неве (2-й Конгресс III Интернационала). м. х. 107×216. П. Д.
38. Купец—сундучник. м. х. 98×80. П. Д.

1924.

39. Портрет Максимилиана Волошина. м. х. 111×89. П. Д.

1925.

40. Русская Венера. м. х. 200×175. П. Д.
41. Похороны Вождя. Темп. 32×35,5. П.

1926.

42. Портрет Ирины Кустодиевой. м. х. 111×78. П. Д.
43. Натюрморт (Лебедянь, Тамб. г.). М. карт. 79×52.

1927.

44. Портрет японца Кумано-сан (последний портрет работы художника). м. х. 62,5×53. П. Д.

II. Театральные постановки.

„Смерть Пазухина“ Салтыкова-Щедрина. Пост. Худож. театра в Москве. 1914 г.

45. Эск. декорации III акта. Гостинная Пазухина. Темп. 26,4×43,2.

„Осенние скрипки“ Сургучева. 1915.

46. Эск. декорации. Акв. 95×65.

„Снегурочка“ оп. Римского-Корсакова. Для Большого театра в Москве (не осуществ.).

47. Пролог (Вариант). 1918. Кар. 21×34,5. П. Д.
48. „ „ „ Акв. 22,5×30,5. П. Д.

„Гроза“ Островского. Постан. не осуществ.

49. Эск. декорации I акта. 1918. Кар. 21,3×34,6. П. (Г. Р. М.).
50. Эск. декорации I акта. 1923. Кар. 21,5×27,5. П.

„Свои люди сочтемся“ Островского. Пост. 1923. Ленинград. Акдрама.

51. Эск. грима Подхалюзина I, II и III акта. Акв. 20,7×12,7. П.
52. То же—для IV акта. Акв. 20,7×12,7. П.
53. Эск. грима Большого. Акв. 20,7×12,6. П.
54. „ „ Липочки. Акв. 20,7×12,6. П.
55. „ „ Большовой. Акв. 20,8×12,7. П.

„Блоха“ Е. И. Замятина (по рассказу Лескова) Московская постановка МХАТ 2. 1925 г.

56. Эск. декорации II акта „Тула“. м. фан. 63×76.

Костюмы и гримы:

57. Царь в короне и порфире. 1924. Акв. 33,2×26. П.
58. Казак. 1924. Акв. 33,8×25,2. П.
59. „Аглицкая меря“. 1924. Акв. 33,3×25,7. П.
60. Генералы. 1924. Акв. 25×33. П.

Бутафория:

61. Эск. занавеса к „Блохе“. Ленинград. Постановка в Б. Драм. театре. Темп. 62×97. П.
62. Эск. декорации. II акта „Тула“. м. фан. 61×98.

63. Костюм и грим „Царя“ в красном. Акв. 33×27. П.
64. Лошадь Платова. Акв. 27×44. П.
65. Костюм и грим „Машки“. Акв. 27×22. П.

„Виринея“ драма Л. Сейфуллиной. Постановка 1926 г. Ленинград. Акдрама.

66. Эск. декорации I акта. м. фан. 67×89. П.
67. Эск. декорации V акта. м. фан. 65,5×88. П.

„Волки и овцы“ Островского. Постановка 1927 г. в Ленинграде. Акдрама.

68. Эск. декорации II акта. 1926. м. фан. 42,5×73,5. П.

III. Рисунки.

1900.

69. Посиделки (Вариант). Эск. Кар. 24×34.

1901.

70. Девочки крестьянки. Эт. Кар. 36,5×26.

1904.

71. Этюд головы ребенка. Кар. и санг. 31,5×24. П. Д.

1905.

72. Митинг на Путиловском заводе в 1905 г. Тушь и акв. 48×70.
73. То же (вариант). Акв., тушь, темп. 40×32.

1907.

74. Портрет Сергея Городецкого. Эт. Кар. 32×30,5. П. Д.

1914.

75. Портрет В. И. Немировича-Данченко. Кар. 10,5×9. П. Д.
76. Портрет И. М. Москвина. Кар. 10,5×9. П. Д.

1915.

77. Этюд одеяла. Кар. санг. 21,5×28.

1916.

78. Катанье на тройке зимой. Эск. Кар. 20×27.
79. Пейзаж. Кар. 24,5×39,5.
80. Домовой. Эск. Кар. 17×21.
81. Катанье зимой на реке. Эск. Кар. 19,5×40.

1917.

82. Купеческая семья. Эск. Цв. кар. 20×26.
83. Два этюда женской фигуры. Цв. кар. 64,5×50. П. Д.

1918.

84. Этюд к карт. „В тереме“ (Ирина Кустодиева). Кар. 34×22. П. Д.
85. Этюд к карт. „В тереме“ (Кира Кустодиева). Кар. и санг. 35×22. П. Д.
86. Автопортрет. Кар. санг. 33,4×21,5. П. Д. (Г. Р. М.).
87. Степан Разин. Эск. Кар. 21,2×34,4. П.
88. Домовой и лошади. Эск. Кар. 19,9×26,5.

1919.

89. Зима. Эск. Кар. 21,5×34,6. П. Д. (Г. Р. М.).
90. Осень. Эск. Кар. 24,3×34,1. П. Д.

91. Купчиха с зеркалом. Эск. Кар. 17,5×21.
92. Зимнее катанье. Эск. кар. 17,5×20,8.
93. На мосту. Эск. Кар. 21,5×34,5.
94. Гитарист. (В. С. Сазонов). Этюд к карт. „Пикник". Санг. карт. 34,5×22. П. Д.
95. Натурщица под одеялом. Кар. санг. 20.8×34,8.
96. В лавке. Эск. Кар. 21,5×35.
97. Натурщица. Этюд для картины „Купчиха". Санг. и кар. 28×43. П. Д.
98. Катанье зимой. Эск. Кар. 17,2×20,8. П. Д.
99. Портрет Марфы и Марины Шаляпиных. Акв. 58×41. П. Д.
100. Портрет Ф. И. Шаляпина (в рост). Ит. кар. санг. 67×42. П. Д.
101. Портрет М. Д. Шестакович. Кар. санг. 34×42.

Русские типы:

102. Буфетчик. Акв.
103. Половой. Акв. 33,5×28. П. Д.
104. Косарь. Акв. 34×28. П. Д.
105. Матрос и милая. Тушь, гуашь 27×25.
106. Женщина с чашкой. Кар. 28×22.

1921.

107. Портрет Е. М. Вольницкой. Кар. санг. 27,5×25,5. П. Д.
108. Портрет Д. И. Кардовского. Кар. санг. 27,5×25,5. П. Д.
109. Портрет Ирины Кустодиевой. Цв. кар. 27,5×25,5. П. Д.

110. Этюд. Женщина с ведрами. Кар санг. 27,5×25,5. П. Д.

1922.

111. Портрет И. В. Ершова. Кар. санг. 45,5×35,5. П. Д.
112. Портрет Зинаиды Гладковской. Кар. акв. 33×26. П. Д.
113. Портрет И. Б. Кустодиевой. Кар. санг. 29,5×22,5. П. Д.
114. Портрет П. И. Нерадовского. Цв. кар. 35,5×22.
115. Этюд к картине „На сенокосе". Кар. санг. 13×20,8. П. Д.

1923.

116. Портрет Е. И. Замятина. Цв. кар. акв. 52×47. П. Д.
117. Портрет Д. Д. Шестаковича. Кар. санг. 39,5×26,5. П. Д.
118. Портрет М. Д. Шестакович. Цв. кар. 45×30. П. Д.
119. Портрет К. Н. Игумнова. Кар. санг. 39,5×27. П. Д.
120. Портрет профессора П. Н. Сакулина (в Гаспре). Кар. санг. 39,5×26,5. П. Д.
121. Портрет артиста Минеева. Кар. санг. 39×26,5. П. Д.

1924.

122. Портрет Ф. О. Слиозберг. Акв. 53×46. П. Д.
123. Луга. Этюд с натуры. Сепия. 21×27. П. Д.
124. Этюд натурщицы. Кар. санг. 33×25. П. Д.
125. „ „ „ „ 33×26. П. Д.

1925.

126. Портрет Ю. Е. Кустодиевой. Кар. авк. 35,5×26. П. Д.
127. В им. Браницких (Белая церковь. Акв. 37×54.
128. „ „ „ „ „ 37×55.

1926.

129. Лебедянь. Козьмы-Демьянская церковь. Акв. 42×51.
130. Лебедянь. Вид из сада, где жили Кустодиевы. Акв. 41 ×51.

IV. Графика для печати.

1905—1909.

131. Революционный календарь. Февраль. Эск. Уголь. 37×27.
132. То же. Тушь. 34×23,5.
133. То же. Тушь, белила. 34× 24.
134. Казаки в редакции журн. „Жупел". Кар. акв. и тушь. 33,3×27,2.
135. Гр. Игнатьев. Карикатура. Угл. 33,5×27,5.
136. Горемыкин. Карикатура. Угл. 33,5×27,5.
137—139. Три рисунка к пов. „Коляска". Ит. Кар. „Юбил. сборн. рис. известн. худ. к произв. Гоголя" 1809—1909. Изд. СПБ О-ва грамотности.

1919.

140. „Петроград в 1919 году". Эск. для гравюры. Тушь. 22×35,5.

1920.

141—158. 18 иллюстраций и обложка к драме Островского „Гроза“ для Госиздата (не изданы). Перо и тушь.

1923.

159—168. 10 иллюстраций к монографии Всеволода Воинова „Б. Кустодиев“. Гос. Изд. 1925 г. Перо и тушь.

1924.

„Труд“ 3-я Серия.

Для изд. Брокгауз-Эфрон (не издано). 1924.

169. Трубочист. Перо, тушь. 27,5×21,5. П. Д.
170. Метельщица. Перо, тушь. 27,5×21,5. П. Д.
171. Прачка. „ „ 27,5×21,5. П. Д.
172. Портной Иван Иголкин. Перо, тушь. 27,5×21,5. П. Д.
173. Грузчик. Перо, тушь. 27,5×21,5. П. Д.
174. Стряпуха. „ „ 27,5×21,5. П. Д.
175. Почтальон „ „ 27,5×21,5. П. Д.
176. Игрушечник. Перо, тушь. 27,5×21,5. П. Д.
177. Чудо 2-е—Газетчик. Перо, тушь. 27×22. П. Д.
178. Чудо 3-е—Трамвай. Перо, тушь. 27×22. П. Д.
179. Календарь на 1926 г. Ленгиз 1925. Акв., тушь. 23×20.

1925.

180. Обложка для романа А. Толстого — „Ибикус“. Гос. изд. 1925. Перо, тушь. 24×20,5. П.

181. Обложка для книги Овсянникова „Сани". Гос. изд. 1925 г. Акв., тушь. 27×18,5. П.
182. Эскиз плаката „Город—мануфактуру, деревня—хлеб". Акв. тушь. 47,5×31,5. П. Д.
183. Эскиз плаката для Г. Акв. тушь, кар. 25,5×13,5.
184. То же. Акв., тушь, кар. 21×27,5. П.
185. Эскиз лубка „Физкультура и электрификация". Акв. кар. 42×27.
186. Эскиз лубка „Аэроплан и автомобиль". Акв. кар. 42×27.
187. Проект открытого письма. Акв. кар. 22×31,5.

ОБ'ЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КАТАЛОГЕ:

Акв.—акварель.
Гос. Изд.—Государственное Издательство.
Г. Р. М.—Государственный Русский Музей.
Г. Т. Г.—Государственная Третьяковская Галлерея.
Д.—дата.
Ит. кар.—итальянский карандаш.
Кар.—карандаш.
Карт.—картон.
М. К. А.—Музей Красной Армии.
М. Ф.—масляная краска на фанере.
М. х.—масляная краска на холсте.
П.—Подпись.
Паст.—Пастель.
Санг.—Сангина.
Темп.—Темпера.
Цв. кар.—Цветной карандаш.
Экс.—Эскиз.
Эт.—Этюд.

1542-200

Цена 30 коп.